

К ВОПРОСУ О НАИМЕНОВАНИИ РЕГИОНА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ»

Шведов В.Г.¹, Толстогузов П.Н.¹, Стельмах Е.В.¹, Голубь А.Б.¹, Соловченков С.А.²

¹ ФГБОУ ВПО «Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема», Россия, 679015, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Широкая, д.70-а

² ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН», Россия, 679016, Еврейская АО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4

Данная статья посвящена рассмотрению подходов к сохранению или изменению названия такого региона России, как Дальний Восток. Географическое название может содержать в себе как положительные, так и отрицательные ассоциации. Однако таковые связаны не непосредственно с самим наименованием, а с конкретной информацией об обозначенном им объекте – с его историческим прошлым, характеристиками природно-климатических и социально-экономических условий, безопасностью пребывания в нём. В этой связи высказывается сомнение о целесообразности официального изменения названия «Дальний Восток» на «Тихоокеанская Россия». Отмечено, что предложения об осуществлении такой акции продиктованы определённой целесообразностью. Тем не менее сформулирован вывод о том, что название «Дальний Восток» лаконичнее, чем «Тихоокеанская Россия» и более удобно в письменном и речевом отношении. Словосочетание «Дальний Восток» как «имя территории» прочно вошло в научный, административный и обиходный оборот, стало привычным и понятным для абсолютного большинства жителей нашей страны. С ним тесно связана историческая память о многих ярких эпизодах недавнего прошлого рассматриваемого региона.

Ключевые слова: Регион, Дальний Восток, Тихоокеанская Россия, имидж региона, геополитика, образ территории.

TO THE QUESTION ABOUT THE NAME OF THE REGION "FAR EASTERN RUSSIA"

Shvedov V.G.¹, Tolstoguzov P.N.¹, Stelmah E.V.¹, Golub A.B.¹, Solovchenkov S.A.²

¹ Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russia Federation, 69015 Jewish AR, Birobidzhan, Shirokaya street 70-a

² Institute of complex analysis of regional problems FEB RAS, Russia, 679016, Jewish AR, Birobidzhan, Sholom-Aleichem street 4

This article is devoted to the consideration of approaches to save or change the name of this region, as far East. Geographical name can contain both positive and negative associations. However, they are not connected directly with the name and with the specific information identified by the object - with its historical past, the characteristics of natural-climatic and socio-economic conditions, safety, stay in it. In this regard, expressed doubt about the feasibility of the official name change of the "far East" to "Pacific Russia". It is noted that proposals on the implementation of this action is dictated certain expediency. However, the conclusion that the name "far East" is more concise than "Pacific Russia" and is more convenient in written and verbal ways. The phrase "far East" as "name of site" firmly established in the scientific, administrative and common law has become a familiar and understandable to the vast majority of people in our country. With him closely linked to the historical memory of the many brilliant episodes of the recent past of the region.

Keywords: Region, the far East, the Pacific Russia, the image of the region, geopolitics, territory.

В настоящее время не вызывает сомнений факт, что продвигаемая англо-саксонской политической элитой модель глобализации оказалась порочной. Её определяющий изъян состоит в том, что она, по замыслу, нацелена на нивелирование всего мирового пространства под определённые, устоявшиеся в современном евро-атлантическом сообществе стандарты и установки. Но события конца XX – начала XXI столетий наглядно показали их сомнительную ценность и с социально-экономической, и с нравственно-культурной позиций. По этой причине такой вид глобализации встречает всё большее сопротивление в тех странах

и регионах, которые не желают расставаться со своими традиционными ценностями и самобытностью.

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе материалов информационно-аналитического бюллетеня ИИАЭ ДВО РАН, а также публикаций в прессе Дальневосточного региона. Применялись методы экспертного опроса, контент-анализа, а также основные приемы сравнительного и аналитического методов.

Результаты. Процесс, отражая состояние, которое можно назвать борьбой за сохранение самоидентификации, приобретает различные формы; в том числе – и такую негативную, как консервативный экстремизм. Приверженность ему также нередко ведёт к отрицательным последствиям. В этой связи более целесообразным представляется курс на построение многополярного мира, в основе которого находится сбалансированный подход к таким ключевым позициям, как

- учёт геополитических и экономических интересов всех стран и их объединений;
- сохранение этнокультурного и ментального разнообразия (в самом широком их понимании) каждого из существующих ныне человеческих социумов в условиях их взаимодействия и взаимного уважения.

Однако воплощение в жизнь этих положений осложнено как внешней, так и внутренней проблемами.

Первая из них состоит в наличии упомянутых ранее эгоцентрического глобализма и консервативного экстремизма, которые противостоят модели «мирового единства в его многообразии» на концептуальном уровне.

С другой стороны, идее многополярного мира пока присуще состояние внутренней неразработанности. И следует признать, что это обстоятельство существенно ограничивает возможность её воплощения в жизнь, придавая ей декларативный характер и лишая конструктивной опоры.

Вместе с тем упомянутые проблемы проявляются не только на мировом уровне. Они существенны и для крупных стран, состоящих из нескольких историко-культурных областей или этнических территорий. Ведь несмотря на то что любая из них обладает несомненной «индивидуальностью», им приходится так или иначе решать задачу поиска баланса отношений между составляющими их регионами, каждый из которых имеет собственное национальное, конфессиональное и социально-экономическое «наполнение».

Опыт таких стран показывает, что состояние сбалансированной внутренней многополярности зависит от многих материальных и нематериальных составляющих. Причём последние из них нередко воспринимаются как второстепенные. Но, вопреки этой оценке, значение нематериальных факторов нередко оказывается весьма существенным.

Этот вопрос столь многогранен, что его рассмотрение может составить предмет отдельного крупного исследования. В этой связи здесь, в формате небольшой статьи, затронут один избранный фактор, проявление которого априори вызывает широкий общественный резонанс – изменение названия территории.

Идентификация любой части земной поверхности связана с её наименованием. Особое значение данный факт имеет применительно к политико-административным образованиям и культурно-историческим областям. Это обусловлено тем, что их названия, в большинстве, являются:

- частью ментального и этнического наследия проживающих в их пределах людей;
- нарицательно воспринимаемой, представительной частью образа той или иной территории на внутри- и межгосударственном уровнях.

Вместе с тем названия территорий – отнюдь не статичная данность. Их изменения могут происходить в связи с какими-либо знаковыми явлениями в жизни страны или региона. Причём перечень таковых достаточно узок и при первом приближении включает в себя следующие случаи:

- внешнюю аннексию, когда победители вербально обозначают закрепление перемен в принадлежности земель: Галлия – Франция, Британия – Англия, Анагуак – Мексика;

- решение населения определённой территории о возвращении ей старинного названия, что символизирует восстановление исторической пространственно-временной связи: Персия – Иран, Абиссиния – Эфиопия, Осетия – Алания;

- переоценка страной, под воздействием различных (экономических, политических, идеологических) обстоятельств, значения какого-либо из её регионов. Так, провинция Кафиристан (Страна язычников) в Афганистане «обратилась» в Нуристан (Страна просветлённых), а название «Маньчжурия» было заменено на «Северо-Восточный Китай».

Последний из этих случаев актуален для современной России, поскольку обозначившееся усиление в её политике и экономике значения «восточного вектора» вызвало дискуссию о названии региона Дальний Восток.

Истоки обозначенной проблемы кроются в том подходе к понятиям «Запад» и «Восток», который сложился в условиях недавнего господства в научном мировоззрении идеологии европоцентризма. Её становление пришлось на эпоху Возрождения, когда ряд европейских стран совершил прорыв в технологиях, развитии культуры и в географических открытиях, а расцвет – на последовавшие затем несколько столетий, в течение которых Европа заняла положение мирового лидера в науке, экономике и политике.

Именно тогда сложилось представление о Западе как единственном создателе и носителе эталонных цивилизационных ценностей, которые противостоят «варварским

мирам». В частности, к таковым были отнесены, несмотря на их своеобразие, древность, и богатое культурное наследие, и культуры Востока [4].

Понятие «Восток», в качестве политической, экономической и культурной категории сложилось в европейской традиции несколько раньше – во время Крестовых походов. Им обобщённо обозначались все соседствовавшие с Европой с этой стороны света нехристианские страны. А поскольку таковые в большинстве своём были мусульманскими, то к этому понятию были причислены и исповедовавшие ислам государства Северной Африки. Казус определения в данном случае состоял в том, что некоторые из них (Тунис, Алжир, Марокко), воспринятые в европейских странах как «восточные», территориально располагались западнее многих из них.

По мере развития торговых, дипломатических контактов и в результате исследовательских экспедиций стало ясно, что «Восток» – это не только прилегающий к Европе относительно узкий пояс населённых иноверцами земель, а колоссальный массив суши, где располагаются крупные, густо заселённые страны, многие из которых не были мусульманскими. Этот факт потребовал пространственной систематизации, результатом которой стало формирование понятий о Ближнем, Среднем и, наконец, Дальнем Востоке. При этом за основу обозначения брался критерий удалённости тех или иных территорий от Европы. Так, к Дальнему Востоку была отнесена обширная омываемая Тихим океаном часть Азии от Чукотки до Зондского архипелага.

Если исходить из европоцентричной концепции мироустройства, то такая дифференциация Востока не лишена логики. Поэтому страны Запада восприняли её как аксиому и остаются привержены ей и поныне. Но при этом возникает вопрос – насколько она приемлема для России, которая в силу своего положения является евроазиатским государством и для которой часть Дальнего Востока непосредственно является и частью её территории?

Известно, что обозначение термином «Дальний Восток» прилегающих к Тихому океану российских земель имеет в отечественной традиции довольно краткую историю. С середины XVII и до начала XX в. каждая из них упоминалась в источниках под собственным локальным названием (к примеру – Чукотка, Камчатка, Приамурье, Приморье) и рассматривалась как часть Восточной Сибири. Впервые объединившее их в отдельную географическую данность словосочетание появилось при учреждении Дальневосточного наместничества в 1903 г. В его состав были включены Приамурское генерал-губернаторство, а также находившиеся под управлением России Китайская и Южно-Маньчжурская железные дороги, город Харбин и Квантунская область на Ляодунском полуострове. Конкретных

указаний на происхождение этого названия нет. Поэтому в этой связи можно высказать лишь предположения.

В первую очередь, такое название могло возникнуть из-за острого соперничества между Россией и Великобританией в Восточной Азии, где англичане обозначали свои колониальные владения общим понятием Far East. Вводя в оборот схожее по смыслу название, отечественные политики могли дать понять британским конкурентам о серьёзности намерений в этом регионе (по принципу – «у нас есть свой Дальний Восток»). Кроме того, оно было лаконичнее и удобнее в обращении, чем громоздкое словосочетание «восточная часть Азиатской части России», которое применялось на картах XIX в. к территории на побережье Тихого океана.

Иная, оригинальная версия выдвинута Г.Г. Лёвкиным. По его мнению, название «Дальний Восток» возникло благодаря тому, что Россия в своё время являлась обладательницей части Ляодунского полуострова. В китайском языке имеются фонемы «Ляо» и «Дун». Графически они отображаются иероглифами, которые при переводе на русский язык соответствуют понятиям «Дальний» и «Восток». Поэтому возможно, что частота их употребления в переводимых с китайского языка документах и литературе постепенно и стали причиной появления соответствующего названия, которое затем распространилось на весь тихоокеанский фланг России [6].

По этому поводу следует заметить, что обладанию Ляодунским полуостровом, где располагались незамерзающие порты и военно-морские базы Порт-Артур и Дальний, в начале XX в. действительно придавалось исключительно важное стратегическое значение. Ведь именно его приобретение и стало причиной создания Дальневосточного наместничества.

Так или иначе, но словосочетание «Дальний Восток» окончательно утвердилось в научном и обиходном употреблении лишь по окончании Гражданской войны. Это было обусловлено существованием в 1920–1922 гг. созданного при активном содействии большевиков независимого государства – Дальневосточной республики (ДВР).

Следует признать, что выбор такого названия в территориальном отношении был для этой страны оптимальным, так как она формально включила в себя все земли от Чукотки до Приморья и Забайкалья. Вдобавок вложенный в его звучание смысл был противопоставлен наименованиям существовавших в те годы Забайкальской и Приамурской республик. Созданные представителями Белого движения, они находились в состоянии вооружённой конфронтации с ДВР. Но их узко локализованные названия давали Дальневосточной республике повод считать эти образования не более чем своими мятежными окраинами [5].

14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР обратилось к Советскому правительству с просьбой о присоединении республики к РСФСР, в состав которой она была включена как Дальневосточная область. После этого иных вариаций для общего обозначения восточной окраины страны до начала XXI века не существовало и не предлагалось.

По этой причине большой резонанс получила изложенная в ноябре 2013 г. в «Новой газете Владивостока» точка зрения вице-преьера правительства РФ Д.О. Рогозина. По его утверждению, «... название "Дальний Восток" серьезно ухудшает политико-географическую репутацию региона, из-за чего жителей российского Дальнего Востока преследуют разные неприятности» [2]. Данное ухудшение выражается по преимуществу в том, что словосочетание «Дальний Восток»:

- подчёркивает удалённость региона от центра страны, которая на уровне массового сознания ассоциируется с заброшенностью;

- не содержит в себе указания на принадлежность этой территории к России, благодаря чему складывается представление о недостаточной связи с ней, и даже – оторванности от неё;

- по наименованию совпадает с зарубежным Дальним Востоком (Китай, Корея, Япония). Это служит источником опасения агрессии со стороны внешних соседей региона, которые могут задаться целью устранения состояния его «разрезанности» российской государственной границей.

Эти негативы восприятия названия Дальневосточного региона вполне реальны и действительно имеют место в обыденном сознании – и его населения, и тех россиян, которые проживают западнее его. В этой связи в дискуссию о его переименовании включился Тихоокеанский институт географии Российской академии наук (г. Владивосток). Его сотрудники предлагают официальную замену названия «Дальний Восток» на «Тихоокеанская Россия».

Аргументируя это предложение, директор института, академик П.Я. Бакланов, отмечает, что 60% населения Дальнего Востока сосредоточено в пределах трёхсоткилометровой полосы, протянувшейся вдоль океанического побережья. Следовательно, Тихий океан имеет исключительное значение для проживающих здесь людей. Таким образом, данный регион, по сути, имеет ярко выраженный территориально-акваториальный характер [3]. К этому следует прибавить, что и ранее, и в настоящее время основной интерес России в обладании Дальним Востоком продиктован геополитическими соображениями – обеспечением её выхода в бассейн Тихого океана. И если учесть, что с конца XX в. сюда смещается основной центр мировой политики и экономики, то этот императив сохранит своё значение на всё обозримое будущее [1].

Таким образом, по мнению учёных из Владивостока, замена названия «Дальний Восток» на «Тихоокеанская Россия» является логичным и целесообразным.

Интересное дополнение этих рассуждений предложено Л.Е. Фетисовой. Она отметила, что некогда русские землепроходцы стремились именно к Тихому океану, выход к которому стоил для них огромных усилий и немалых жертв. Следовательно, название «Тихоокеанская Россия» в гораздо большей степени соответствует историческому прошлому региона и символизирует подвиг народа, создавшего своим ратным и мирным трудом огромное Российское государство [9].

И всё же нельзя не принимать во внимание тех возражений, которые направлены против переименования Дальнего Востока.

В первую очередь, заметим, что за истёкшее столетие соответствующее словосочетание прочно вошло в научный, административный и обиходный оборот, стало привычным и понятным для абсолютного большинства жителей нашей страны. И нельзя утверждать, что название «Дальний Восток» вызывает в их сознании лишь негативные ассоциации. С ним тесно связана историческая память о многих ярких эпизодах недавнего прошлого. Из них наиболее значимы сооружение Транссиба, Русско-японская война 1904–1905 гг., последние «аккорды» Гражданской войны, трагическая и величественная эпопея освоения региона в 30-е гг., блестящая победа над Японией в 1945 г., строительство Байкало-Амурской магистрали. И очевидно, что смысловая «стыковка» этих событий с новым названием региона будет идти с трудом и займёт очень долгое время, если состоится вообще.

Другим доводом против переименования Дальнего Востока является несогласие с «пугающим» характером подлежащего в его названии. Современные транспортные технологии позволяют преодолевать расстояния не только с высокой скоростью, но и в достаточно комфортабельных условиях. Ежедневно большое количество людей совершает поездки в самые отдалённые точки Земли. В этом отношении перелёт из аэропортов Дальнего Востока до Москвы по времени не столь разительно отличается от выезда из той же Москвы в Подмосковье. Так что с «утилитарной» позиции переименование этого региона оправданным не представляется.

Заключение. Немаловажно то, что название «Дальний Восток» лаконичнее, чем «Тихоокеанская Россия». Следовательно – оно более удобно в письменном и речевом отношениях.

Завершая рассмотрение изложенных здесь мнений по вопросу изменения или сохранения названия самой восточной части России, следует отметить следующее: любое географическое название, в принципе, может содержать в себе и положительные, и отрицательные ассоциации. Причём зачастую они связаны не с самим названием как

таковым, а с конкретной информацией об обозначенном им объекте – его историческим прошлым, характеристиками его природно-климатических и социально-экономических условий, безопасностью пребывания в нём. И, видимо, формирование положительного имиджа Дальнего Востока, усиление его связи с остальной частью территории России зависит всё же не от того, какими словами он будет обозначен. В настоящее время более действенными в этом отношении станут практические меры по развитию его производства, транспортной инфраструктуры, созданию более комфортных бытовых условий для проживания здесь людей, а также – широкая пропаганда достигнутых на этой основе успехов, если, разумеется, таковые будут иметь место в реальности.

Список литературы

1. Авдеев Ю.А. Тихоокеанская Россия // Информационно-аналитический бюллетень отдела изучения международных отношений и проблем безопасности. – Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН. - 2012. - № 29 (227). - С. 9–13.
2. Авченко В. Близкий Восток [Электронный ресурс]. - URL <http://novayagazeta-vlad.ru/214/obshchestvo/blizkiyvostok> (дата обращения: 10.02.2015).
3. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия или Дальний Восток? У карты Тихого океана // Информационно-аналитический бюллетень отдела изучения международных отношений и проблем безопасности. – Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН. - 2012. - № 29 (227). - С. 4–9.
4. Гуревич П.С. Философия культуры. - М. : Аспект-пресс, 1994. - 314 с.
5. Дальневосточная республика. Сборник документов. – Владивосток : Дальнаука, 1993. - Ч. I. - 312 с.
6. Лёвкин Г.Г. Вал Чингис-Хана – государственная граница империи Айсинь Гурунь (Золотая империя) [Электронный ресурс]. - URL <http://www.levking.ru/> (дата обращения: 10.02.2015).
7. Соловченков С.А., Стельмах Е.В. «Куда ушел крестьянин?» К вопросу занятости сельского населения юга Дальнего Востока России // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 3-3. - С. 647-650.
8. Стельмах Е.В., Шведов В.Г. Влияние экономического освоения на формирование антропогенных ландшафтов Еврейской автономной области // Наука и бизнес: пути развития. - 2014. - № 4 (34). - С. 144-149.
9. Фетисова Л.Е. Актуальные проблемы истории региональной культуры в диалоге исторической науки и культурологии // Информационно-аналитический бюллетень отдела

изучения международных отношений и проблем безопасности. – Владивосток : Изд-во ИИАЭ ДВО РАН. - 2012. - № 29 (227). - С. 17–19.

10. Shvedov V.G., Stelmah E.V., Solovchenkov S.A., Golub A.B. The formation of a reclamation region around the Amur river basin in the late neolithic period // Былые годы. Российский исторический журнал. - 2015. - № 35 (1). - С. 14-21.

Рецензенты:

Никитенко В.Н., д.п.н., профессор, заведующий лабораторией региональных социально-гуманитарных исследований ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан;

Воротилкина И.М., д.п.н., профессор, ученый секретарь Ученого совета ФГБОУ ВПО «Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема», г. Биробиджан.